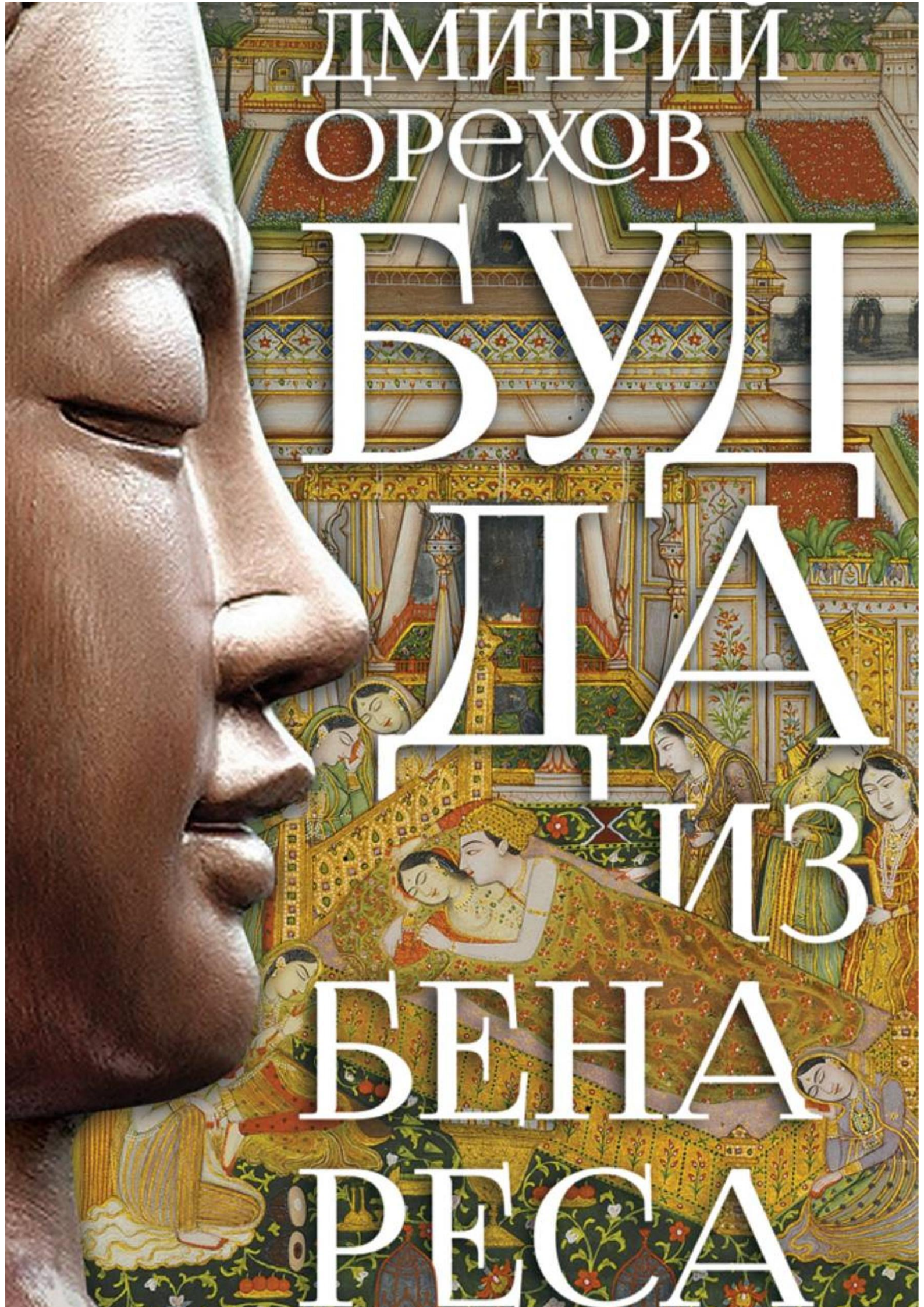




ДМИТРИЙ
ОРЕХОВ

БУД
ДА
ИЗ
БЕНА
РЕСА

Дмитрий Орехов

Будда из Бенареса

«Автор»

2026

Орехов Д. С.

Будда из Бенареса / Д. С. Орехов — «Автор», 2026

Роман приглашает в духовное путешествие по древним землям Индии. Герой книги — современный человек, переживающий глубокий внутренний кризис, — отправляется в Бенарес (Варанаси), один из древнейших городов мира и духовный центр индуизма. В лабиринте улочек, вблизи священных гхатов на берегу Ганга, среди храмов и ашрамов встречает мудрецов, монахов, искателей истины. Через беседы, медитации, неожиданные встречи герой созревает к переосмыслению личных ценностей, учится видеть за пределами привычного, обретает свежий взгляд на жизнь. Книга сочетает элементы путевых заметок, философских размышлений, мистического опыта, погружая читателя в атмосферу священного места, где каждый шаг — возможность прозрения, а древняя мудрость говорит с современностью на языке сердца.

© Орехов Д. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дмитрий Орехов	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
Глава I	13
1	13
2	14
3	15
Глава II	17
1	17
2	18
3	22
Глава III	24
1	24
2	24
3	28
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Орехов Будда из Бенареса

Дмитрий Орехов

«Будда из Бенареса»

Посвящается моему отцу. Он был настоящим кшатрием

ПРОЛОГ



На четвертом курсе я чуть не вылетел из университета. Я завалил два экзамена, а впереди было грозное «Введение в буддологию». Буддологию у нас принимал декан Восточного факультета, профессор Андрей Андреевич Ольдберг — живая легенда востоковедения и альпинизма, путешественник по Тибету и Гималаям, умница и самодур, отец шестерых детей и душа всякого застолья. Обрусевший потомок остзейских баронов, он быстро говорил, быстро двигался и вообще все делал быстро. Ольдберг был невысок ростом, худощав, коротко стриг свои не седеющие светлые волосы и одевался с элегантностью депутата законодательного собрания. Студенты носили его на руках. Впрочем, он мог быть и безжалостным.

Да, забыл сказать — в ту летнюю сессию на мне висела еще курсовая «Брахманистская философия в магадхско-маурийскую эпоху», причем даже в ее названии не все слова были мне понятны. Узнав, что декан вызывает меня к себе, я приготовился к худшему.

Профессор встретил меня хищным блеском очков в золотой оправе. Он работал за массивным столом, на котором громоздилась целая Джомолунгма курсовых и дипломных работ. Справа был бронзовый бюст бородача Рабиндраната Тагора, слева — портрет Махатмы Ганди, ехидно улыбающегося лысого старика в пижаме. Войдя в кабинет, я мгновенно понял, что если на сочувствие Тагора, пускай и пассивное, я могу рассчитывать, то от Ганди, как и от самого Ольдберга, пощады ждать не приходится. Поэтому из двух стульев я выбрал тот, что был ближе к классике индийской литературы.

— Вы опоздали на две с половиной минуты, — приветствовал меня Андрей Андреевич. Такое начало ничего хорошего не предвещало.

— У вас не в порядке академическая успеваемость, понимаете? — Ольдберг метнул на меня ястребиный взгляд. — Вы провалили санскрит!

— Я сдал тамильскую литературу, — робко напомнил я.

— Вы не сдали географию тибетских памятников! — Декан, как видно, не сомневался, что на весах академической успеваемости география тибетских памятников и санскрит намного перевешивают даже самых талантливых представителей тамильской литературы. — Вы до сих пор не сдали курсовую работу! Понимаете? Я уже хотел представить вас к отчислению...

Он сделал внушительную паузу, и я почувствовал себя смертником, которому показывают электрический стул. Голос Ольдберга прозвучал откуда-то сверху:

— Но я передумал. У вас обнаружились способности... в другой области.

Я поднял голову, еще не смея надеяться. Сухие пальцы декана разглаживали на столе номер журнала «Факел» с моим рассказом. Электрический стул стал медленно отъезжать в сторону, открывая взгляду накрытый банкетный стол.

— Ваша история про павлина весьма любопытна. У вас богатое воображение.

Я скромно опустил глаза. Сюжет «Павлина» я позаимствовал в пыльной «Антологии средневековой малайской прозы», которую буддолог Ольдберг вряд ли читал.

— Давайте поговорим о ваших проблемах, — милостиво предложил декан. — Может быть, вам наскучила тема брахманизма? Что, если я освобожу вас от курсовой?

Теряясь в догадках, что все это значит, я глупо спросил:

— А экзамены?

— Экзамены нужно сдать! — тут же провозгласил Ольдберг. И прибавил уже мягче: — Но я предлагаю вам кое-что написать... Понимаете? Вместо этой вашей курсовой о брахманизме...

— Что написать? — спросил я.

— Повесть, — просто сказал он.

— Повесть?

— Да, повесть. Видите ли, дружочек... Вам должно быть известно, что я проанализировал Палийский канон и более поздние буддийские тексты. Это была серьезная работа, имевшая резонанс в научном и околонучном мире...

Так оно и было. Ольдберг умел наделать шуму — особенно своими резкими высказываниями в адрес псевдостоличных культов. В одном подмосковном городке, где наш профессор выступал с лекциями об оккультизме, местные последователи гуру Клементия Чугунова угостили его пироженками с толченым стеклом. Что же касается буддологии, то Андрей Андреевич совершил переворот в этой науке. Сравнив наиболее ранние фрагменты Палийского канона и «Дхаммападу», он убедительно показал, что можно говорить об историчности не одного Будды, а двух. Или даже трех.

— Я возлагаю надежды на ваше перо! Не хочу говорить о Гессе — он был гений, хотя и не разбирался в буддизме. Но если бы вы смогли написать повесть о Будде, вернее, о нескольких буддах... Конечно, под моим руководством... Это было бы здорово. В нашей стране сейчас каждый второй имеет свое мнение о буддизме. А эти лавки с макулатурой, провонявшие палочками из подкрашенного навоза?! Сколько же вздора пишется о Гаутаме Шакьямуни, о «просветленных», о «мирном характере» буддизма! Буддизм никогда не был «мирной» религией, понимаете? Вспомним хотя бы кровопролитные войны за обладание зубом Будды! А метемпсихоза? Даже в шестом веке до нашей эры многие брахманы отвергали это учение. А кстати... — Ольдберг строго посмотрел на меня поверх очков. — Вы не забыли почему?

Я пожал плечами.

— С точки зрения жрецов, доктрина о кругообороте душ была дикарской и глупой, понимаете? Что, по-вашему, принесли арийские племена в междуречье Ганга и Джамны?

— Красную керамику? — предположил я. — Колесницу?

Профессор поморщился.

— Не только! Арии принесли с собой учение о возмездии. Учение о возмездии, понимаете?

— Понимаю, — сказал я. — Красную керамику, колесницу и еще учение о возмездии.

— Племена ариев пришли в междуречье со своей религией, понимаете? Их учение наложилось на тотемистические верования аборигенов долины. Надеюсь, вам не нужно объяснять, что такое тотемизм?

— Нет, — сказал я как можно увереннее.

— Тотемизм — это вера в кровное родство человека и животного, характерная для племенного сообщества, — не удержался Ольдберг. — Понимаете? Когда арийская доктрина возмездия соединилась с верованиями местных племен, возникло учение о переселении душ. Оно не похоже на суррогат, которым нас потчуют теперь на каждом углу! В нашей стране произошла оккультная революция, понимаете? Мне приходится много выступать, я трачу драгоценное время на этот ликбез... Но не стану же я каждому встречному дарить свои монографии! Да и что он в них поймет, не владея, так сказать, аппаратом научного мышления... Ну так как? Возьметесь за повесть?

— Я подумаю, — выдохнул я, ошеломленный не столько его напором — на факультете мы ко всему привыкли — сколько настойчивым подмигиванием Рабиндраната Тагора. Профессор тоже перевел взгляд на бронзовый бюст.

— Вот-вот, подумайте, — сказал он немного рассеянно.

Мы помолчали.

— Экзамен по санскриту у вас не сдан, экзамен по географии — аналогично. А кстати... — Декан снова повернулся ко мне. — Не могли бы вы перечислить десять классов отшельников, содержащихся в «Ангуттара-никае»?

Если честно, я не мог перечислить ни одного класса отшельников, содержащихся в «Ангуттара-никае».

— Об этом писал... как его... Дэс-Риведс?

— Рис-Дэвидс! Томас Уильям Рис-Дэвидс, основатель Общества палийских текстов! — отчеканил Ольдберг. — Ох, дружочек... А ведь завтра мы встретимся с вами на экзамене. Я очень надеюсь, что вы обрадуете меня хорошим знанием источников. Если, конечно, вас не устроила моя затея. Понимаете?

Подобный прием у писателей называется «насадить персонаж на вилы дилеммы». Я чувствовал себя этим литературным персонажем и еще новгородцем, запутавшимся в стременах в момент атаки закованной в латы конницы Святого Ордена.

— Drang nach Osten[1], — пробормотал я.

— Как вы сказали, дружочек?

— Мне нужно все обдумать и взвесить.

— Ради Бога, взвешивайте сколько угодно! — Ольдберг тут же вскинул руку с часами «Rolex». — А через полчаса зайдите ко мне и скажите. Понимаете?

Я вышел на набережную, спустился по гранитным ступеням к Неве и закурил, поглядывая то на речную гладь, то на купол Исаакия. Надо мной кричали чайки, пахло мазутом и простором большой воды. Мне не хотелось приниматься за повесть о буддах. И все же вылетать из университета не хотелось еще больше. Отчисление, осенний призыв — и что будет делать моя жена, оставшись вдвоем с сынишкой в нашей темной комнатке с видом на Литейный мост?.. Я посмотрел на часы — срок ультиматума истекал через одиннадцать с половиной минут. Бросив третий окурочек в павлиньи разводы мазута, напоминавшие узоры на галстуке профессора Ольдберга, я вернулся в деканский кабинет.

— Ну и славненько, — обрадовался Андрей Андреевич. — Давайте поговорим теперь о нашей, вернее — о вашей книге. Я предлагаю назвать ее «Неизвестные будды», поскольку так называлась моя статья в «Вопросах философии». Подходит?

Я промычал что-то в ответ.

— Итак, «Неизвестные будды». Вам следует показать, что у буддизма было несколько отцов-основателей. Понимаете? Этот факт вы должны были уяснить из моих лекций. Царевич Сиддхарта, покинувший дворец ради поисков истины, этот юноша с жертвенным и любящим сердцем, не мог быть автором «Дхаммапады». Вспомните встречи со стариком, больным, мертвецом. Сиддхарта жаждет спасти людей, избавить их от страданий. Автору «Дхаммапады» это не нужно. В «Дхаммападе» собраны афоризмы другого будды, понимаете? Этот будда восхваляет аскетизм, бодрость духа и силу убеждения, но не забывает похвалить и себя за серьезную и достойную жизнь, и особенно — за свою мудрость, которая делает его выше Брахмы. С не меньшей гордостью, чем самый тщеславный из греческих стоиков, он умеет отличать умного человека от неумного. «Мудрец выделяется, как скакун, опередивший клячу, — говорит он. Мудрец смотрит на больное печалью человечество, как стоящий на горе на стоящего на равнине». Этот второй будда идет напролом к своей цели, он заносчив, самовлюблен, циничен и равнодушен к чужому горю. Прислушайтесь к такой цитате из «Дхаммапады»: «Убив мать и отца и двух царей из касты кшатриев, брахман идет невозмутимо». Вы понимаете, что произошло? Второй будда потеснил первого и возглавил тогда еще небольшую секту бродячих аскетов! Спустя несколько веков составители канона соединили жития двух разных подвижников...

Разглагольствовать в таком духе Ольдберг мог часами.

— Во-вторых. Рис-Дэвидс был абсолютно прав, когда написал, что под именем готамаков скорее всего скрываются ученики Девадатты, этого буддийского Иуды... А почему они скрываются под именем готамаков, как вы думаете?

Я благоразумно молчал.

— Но это же проще простого! — вскричал Ольдберг. — Девадатта был двоюродным братом Сиддхарты, и «Гаутама» — их общее клановое имя... У истоков буддизма стояли два

брата, Сиддхарта и Девадатта, понимаете? Вспомним теперь тексты, идущие от махаянской традиции, где Девадатта назван «высоким бодхисаттвой». Не правда ли, все проясняется? Если вы заглядывали в сочинения китайского автора Фа Сяня, вы должны помнить, что в пятом веке нашей эры существовала значительная группа индийских буддистов, поклонявшихся Девадатте, но совершенно не помнивших о Сиддхарте... И, в-третьих, у нас остается будда номер три...

— Андрей Андреевич! Я могу написать повесть только об одном будде, — твердо сказал я, глядя декану в глаза. — Не больше.

Это был ход конем, кульминационный момент сражения. Подобным образом в битве при Халдигхати знаменитый воин Пратап решил исход боя, заставив свою лошадь по кличке Четак ударить копытами в лоб слона могольского полководца Ман Сингха.

На лице Ольдберга промелькнуло беспокойство.

— Если вы читали мою «Буддологию» и слушали лекции...

— Я говорю не о лекциях, а о повести. Понимаете, Андрей Андреевич, повесть — это жанр, где в фокусе повествования находится один многомерный персонаж. Создание трех многомерных персонажей возможно лишь в рамках сложного по структуре произведения. Но роман, к сожалению, мне сейчас не поднять. Как вы знаете, у меня проблемы: география и, опять же, санскрит...

— Я думаю, вы свои проблемы решите сами, — сказал декан и благожелательно улыбнулся. — А героев, дружок, в вашей повести должно быть три.

— Если вы заглядывали в сочинение «Поэтика» греческого автора Аристотеля, — зашел я с другого фланга, — вы должны помнить, что если главных героев несколько, требуется и несколько сюжетных линий с постепенным нарастанием драматического конфликта. А это возможно только в романе.

Пальцы профессора забарабанили по столу. Кажется, он начинал сердиться.

— Роман, не роман — какая разница? Вы будете писать книгу или нет?

— Книгу об одном будде — пожалуйста. А книгу о трех — нет. Романы пишутся в спокойной обстановке, понимаете?

Ольдберг снял очки и снова надел их. Он молчал. Я тоже не произнес ни слова. Профессор зачем-то ощупал свой гладко выбритый подбородок, несколько раз окинул меня быстрым взглядом и вдруг махнул рукой, словно епископ, отпускающий грехи крестоносцу.

— Все три экзамена я приму у вас сам, — сказал он. — Понимаете? А со своей стороны постарайтесь, дружок, чтобы героев тоже было три. Ну, в крайнем случае, два.

Я покачал головой:

— К сожалению, Андрей Андреевич, ничего не получится.

Декан откинулся на спинку кресла и уставился на меня стальными арийскими глазами.

— Вы отказываетесь?

— Нет, — сказал я. — Пожалуй, нет. Но мне нужны условия для работы. И не хуже, чем у Гессе.

Его брови поползли к переносице.

— У Гессе? Любопытно... И что за условия?

Я немного помялся.

— Ну... Во-первых, название я придумаю сам. Во-вторых, я буду писать, следуя художественной логике, а не конспектам. В-третьих, я сам решу, кто из будд что скажет.

— Это все?

— Нет, не все. Работа над небольшим романом о двух буддах займет полгода, а то и целый год. При всем желании я не смогу посещать все лекции на пятом курсе, понимаете?

Профессор усмехнулся, но промолчал. Моя кавалерия с гиканьем мчалась вперед, лед под ногами тевтонов трещал. Махатма Ганди на портрете бессильно покусывал губы.

— Если автор не уверен в завтрашнем дне, у него ничего не получится, — рассуждал я со славянской простотой. — Я уже давно подумываю об аспирантуре...

Андрей Андреевич схватился за голову:

— Ну зачем вам аспирантура, дружок! Вы все равно не станете заниматься чистой наукой! У вас иное призвание, понимаете?

Я постарался, чтобы ни один мускул на моем лице не дрогнул. Во взгляде Ольдберга появилось веселое любопытство.

— Продолжайте, юноша.

— Что касается большого исторического романа о трех буддах — это тоже возможно, но мне потребуется лучше узнать фактуру... Некоторые детали можно изучить только на месте, понимаете? Меня бы устроила поездка в Бихар, где проповедовал Сиддхарт, или хотя бы в Непал, где он родился...

— Не пойдет, — отрезал декан. — У факультета нет таких денег.

Я переигрывал — у меня и в мыслях не было ехать в Непал и писать большой исторический роман. Но мне очень кстати вспомнились лекции по истории дипломатии: на любых переговорах следует выдвигать завышенные требования, чтобы иметь возможность уступить по ряду второстепенных позиций.

— А вы справитесь? — недоверчиво спросил Ольдберг. — Несколько сюжетных линий, нарастание драматического конфликта и тому подобное?

Я пожал плечами — мол, могу и попробовать. Профессор еще раз перелистал журнал, глубоко задумался и стал похож на магистра Ливонского ордена, заключающего союз с меченосцами.

— Давайте остановимся на двух буддах, — сказал он, рыцарским жестом протягивая мне руку. — Мне кажется, два будды — вполне достаточно.

* * *

К этому осталось добавить, что каждый из нас — и я, и Ольдберг — свое слово сдержали. Роман о двух буддах был написан и, после некоторых исправлений, одобрен профессором. Вы держите его в руках. Пятый курс я закончил без особых проблем и поступил в аспирантуру.

Полтора месяца назад Ольдберг бесследно исчез во время большой поездки с лекциями по Бурятии, Туве и Алтаю. В газетах писали, что активисты местной секты «Белый лотос» несколько раз пытались сорвать его выступления. В Горно-Алтайске нашему декану предложили совершить восхождение гору Белуха. Узнав, что высочайший пик Сибири не покорился легендарному Райнхольду Месснеру, профессор не устоял. Он в одиночку ушел к вершине из лагеря на Ак-Кемском леднике, и с тех пор его никто не видел. Программа «Вести» передавала, что низкая облачность сделала работу спасателей невозможной, и ученый-буддолог, вероятнее всего, погиб. Я в это не верю. Однажды Ольдберг взбежит по ступеням Восточного факультета и расскажет нам о своих приключениях. А пока я пишу следующую книгу. Андрей Андреевич очень просил, чтобы черновой вариант был готов к его возвращению.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

ОЗЕРО В БАМБУКОВОЙ РОЩЕ

Как на куче мусора, выброшенного на большую дорогу, может вырасти лотос, сладкопахнувший и радующий ум, так ученик поистине просветленного выделяется мудростью среди слепых посредственностей, среди существ, подобных мусору.

Дхаммапада, 58–59

1

Он любил это озеро в бамбуковой роще. Озерцо было самое обычное. Мелководье заросло красным рисом, а по кромке воды тянулся мелкий кустарник, усеянный желтыми и синими цветами. У берега напротив рассыпались по воде белые кувшинки.

— О, страна Гвоздичного дерева, ты прекрасна! — прошептал старик. — В твоих озерах нет ни тины, ни ряски, но неподвижно стоит чистая вода. Твои белые цветы прекрасны...

Ему почудилось, будто птицы и пчелы понимают его.

— Я люблю твой полдень, когда люди отдыхают от зноя в хижинах с соломенными крышами; я люблю твои ночи, когда луна, выглядывая из-за облаков, целует твое улыбающееся лицо. Но еще больше я люблю тебя сейчас, на рассвете, когда богиня утренней зари, юная Ушас, спешит на свидание со своим суженым, а слоноликий Ганеша с белоснежными бивнями, увитыми побегами жасмина, в упоении пляшет, стирая хоботом звезды с горней тверди, и похлопыванием ушей взмывает пыльцу камфары, от которой розовеют небеса!..

Радость переполняла его, брахман чувствовал себя ребенком. Он поднял руки к небу и запел:

— В самую внутренность неба, где свет никогда не гаснет, где струятся вечные воды... Где обитают радость и веселие, дружба и счастье, а всякое доброе желание находит свое исполнение... Туда, в вечное бессмертие, отведи нас, о Сома!

Это был гимн, посвященный Соме. Сома был господином вод и подателем жизни, он же был горным растением, и белым диском Луны, и хмельным напитком — светло-желтым соком, приведенным в брожение и смешанным с молоком священной коровы. Брахман особенно почитал Сому, ведь другие боги не могли обойтись без него и являлись на место жертвоприношения, услышав скрежет давящих камней. Пожалуй, в доме жреца опьяняющая жидкость проходила через сито из овечьих волос несколько чаще, чем требовал обычай, и это вызывало тайные улыбки женщин. Старый брахман замечал эти улыбки, но они не огорчали его. И сейчас, простирая руки к небу, он простирали их навстречу Соме. Он любил Сому, ибо Сома сам был любовью.

Мальчиком слышал Шарипутра рассказ учителя Сомананды о том, как некогда юный Сома, бог священного напитка, пострадал от своей любви. По воле Брахмы Сома стал богом лунного диска и владыкой ночного неба. И полюбил Сома прекрасную Рохини, дочь грозного Дакши, отца богов. Но тот не соглашался отдать ее, требуя, чтобы Сома взял в жены всех его дочерей. А было их у Дакши двадцать семь, и были они богинями созвездий лунного неба. Сома, изнемогая от любви, взял их в жены, но любил только одну Рохини, а остальные жены-

созвездья скучали. Тогда разгневанный Дакша наслал на Сому хворь, и молодой бог стал чахнуть ото дня ко дню. Он худел, и все бледней становилось сияние луны, и ночи становились мрачней и мрачней. На земле увядали травы, воды отступали от берегов, и животные стали спадать с тела. На земле начался голод, жертвы оскудели, и боги встревожились. Они явились к Дакше и попросили: «Смилуйся над Сомой! Он так исхудал! Животные чахнут вместе с ним, и растения, и люди, и мы тоже!» — «Я пощажу его, — согласился Дакша, — но отныне вечно он будет худеть в первую половину месяца и снова полнеть в другую».

К Соме вернулись его лучи, и он опять стал озарять землю. С тех пор лунный диск в темную половину месяца убывает, напоминая людям, как некогда страдал Сомы, верный своей любви...

2

Брахман услышал чей-то смех и обернулся. Под гвоздичным деревом стоял темноволосый юноша. Он был без оружия, но осанка и золотистый цвет кожи выдавали в нем кшатрия.

— Прости, что я потревожил тебя, — сказал юноша странным певучим голосом, низким и звучным. — Ты, кажется, сочинял стихи?

Жрец смутился. Этот юноша с грацией молодого оленя наверняка слышал его болтовню о розовой Ушаси и слоноликом Ганеше.

— Когда мой отец читал мантры, боги внимали ему, — медленно сказал Шарипутра, вглядываясь в лицо кшатрия и тщетно пытаясь обнаружить в нем знаки пристрастия к охоте или воинским упражнениям. — А я... я даже не научился по-настоящему толковать веды. Не суди меня строго — старые жрецы любят поболтать сами с собой.

Юноша пожал плечами.

— Зачем мне судить тебя? Я слышал, многие брахманы сочиняют стихи. Ведь это прибыльное занятие, верно?

Так оно и было. Правители в долине питали слабость к праздникам жертвоприношений, на которых в огонь проливалось немало масла и молока. Брахман-сочинитель обязан был представить к торжеству новый гимн. Неслучайно священные песни, как древние, так и современные, были довольно раболепными по тону; изобилуя лестью к владыкам Джамбудвипы, они без всяких околечностей выражали надежду на богатую мзду (она состояла в священных коровах), так как понятно, что непростое искусство стихосложения не может оставаться без поощрения. Шарипутра не был исключением. Его гимны весьма ценились, и он получил от магадхского раджи Бимбисары немало коров.

— Скажи, далеко ли река Найранджана? — спросил кшатрий.

— Река Найранджана?

— Да, я иду в Урувеллу.

Старик ладонью отер пот со лба.

— Тебе нужно пересечь джунгли. Ты встретишь озера и ручьи, где обитают наги — змеи, умеющие оборачиваться людьми. Дальше начнутся горы. Там, как я слышал, живут карлики-якши с вывернутыми ступнями и немигающими красными глазами. Река Найранджана берет начало на крутых склонах. Говорят, у ее истока пьет воду корова Камадхену, исполняющая желания...

Увы, эта сказочная риторика не подействовала на кшатрия, напротив, его губы тронула легкая усмешка:

— Значит, Урувелла недалеко?

— Недалеко. Но чтобы достичь ее, нужно взять с собой большой груз удачи.

Некоторое время юноша размышлял, но потом тряхнул головой, отчего его длинные черные волосы закрутились подобно фазаньему хвосту, и улыбнулся.

— В день, когда я родился, у городских стен видели белого слона с приметами счастливой породы, — сказал он. — Слон трижды потерял спину о ворота.

Шарипутра вздохнул.

— Тогда все в порядке. И все же послушай моего совета: не отправляйся в Урувеллу сейчас. Усталый странник поднимает больше пыли, а я вижу по твоему лицу, что ты долго не спал. В моем доме, — он сделал приглашающий жест в сторону зарослей, — ты сможешь отдохнуть, а с рассветом тронешься в путь.

Кшатрий кивнул и первым двинулся по тропинке среди молодых бамбуков. На мгновение пораженный тем, как изящно и ровно юноша ставит ноги, старик поспешил за ним.

3

Семи лет от роду Шарипутра был отдан в ученики к обедневшему брахману Сомананде, желчному старику-вдовцу. Целые дни проходили в зубрежке и повторении гимнов Ригведы, а расплатой за невнимательность была порка, после которой под набедренной повязкой невыносимо чесалось, а мухи просто изводили своей назойливостью. При этом Шарипутра, как и другие ученики, должен был вознаграждать Сомананду множеством различных услуг. На их отроческих плечах лежала работа по дому и личный уход за учителем; они разводили огонь в очаге и готовили еду, массировали старика после омовения, подавали ему бетель и воду для полоскания рта. Тогда Шарипутре казалось, что день избавления от этого рабства не наступит никогда, и он жил как будто во сне. И вот однажды ему, уже юноше, обрили голову, оставив лишь маленькую косичку на темени. Вместе с волосами отлетели прочь и прежние обязанности. Шарипутра уступил свою циновку в хижине Сомананды испуганному большеголовому мальчику, которому тоже выпало несчастье родиться в брахманской варне, и вошел хозяином в собственный дом. Вторая часть жизни брахмана, более продолжительная и гораздо более приятная, состояла в обзаведении потомством и служении правителю в сане жреца. На третьей стадии земного пути пожилой жрец проводил много времени в уединении, еще не разрывая связи с людьми, но постепенно готовя себя к подвигу шрамана, обитателя лесов. Четвертая, заключительная ступень отшельника была печальным расчетом с жизнью. Таков был порядок, и Шарипутре он казался разумным.

В самом деле, что будет, если юноши, едва окончив ученье, наденут повязки аскетов? Кто тогда продолжит брахманский род? Кто почтит жертвоприношениями богов, духов и предков? Кто умягчит беседой сердце правителя?

Увы, с тех пор, как в долине стало распространяться учение о сансаре, обычаи нарушались все чаще. В местности Урувеллы, о которой спрашивал юноша, подвизались вполне молодые аскеты. Впрочем, до недавнего времени все они были брахманами, и даже не верилось, что философские размышления, медитация, подвиги поста и умерщвления плоти могут увлечь людей из других варн.

А несколько месяцев назад — Шарипутра прекрасно помнил день, когда услышал об этом — явился первый проповедник из сословия кшатриев. Им стал Вардамана из Вайшали, сын мелкого князька личчхавов, народа, жившего за великой рекой к северу от Магадхи. Все началось со смерти этого несчастного князька, который, отведав на пиру мяса антилопы, внезапно побагровел лицом, схватился за горло и умер, не обращая внимания на гнев раджи и труды придворного знахаря, щекотавшего ему нёбо орлиным пером. Проводив родителя на погребальный костер из дорогих сандаловых поленьев, Вардамана бросил игру в кости, до которой раньше был большим охотником, оставил дом, жену и двух дочерей и ушел странствовать в одеянии аскета, которое, впрочем, по окончании периода дождей сбрасывал, предпочитая проповедовать нагим. Старое имя уже не устраивало его, и он назвался Джиной-Махавирой, что значит — Победитель и Великий Герой. Говорили, будто Джина-Махавира учит аскетизму и

добровольной голодной смерти, ибо вкушение пищи, согласно его учению, способствует не только увязанию в сансаре, но и постепенному переходу существа души в мертвую косную материю.

Глава II

НАЛАНДА

1

— Партию в чатурангу[2]? — предложил брахман.

Юноша кивнул. Он проспал до самого вечера, потом совершил омовение и с царственным безразличием позволил служанке умастить свое тело благовониями. Наблюдая за гостем, Шарипутра отметил, что щеки юноши, упругие, как лепестки нераскрывшегося бутона чампаки, даже не порозовели, как будто его растирала не молодая девушка, а какой-нибудь старый служитель при священном бассейне. И брахман сделал вывод, что кшатрий богат и не знает недостатка в самых красивых женщинах.

После массажа молодой человек выпил чашку горячего рисового отвара, отчего его тело покрылось легкой росой пота, и отведал бетеля. Сейчас оба они, и брахман, и его гость, сидели на террасе в ожидании ужина. Воздух был напоен ароматом диких лилий.

— Взгляни на эти фигурки, мой друг, — сказал брахман, указывая на доску. — По краям ждут своего часа колесницы; вот пешие воины, вот конница, вот боевые слоны. Ты — кшатрий, и тебе, конечно, знакомо военное ремесло. Если я не ошибаюсь, перед сражением так строится и настоящее войско?

— Ты не ошибаешься, — серьезно подтвердил юноша.

— Прекрасно. А тебе не кажется, что наши предки не зря установили правило четырех частей? Ведь организация войска соответствует устройству любого из наших государств, не так ли? И в Раджагрихе, и в Шравастии, и в Бенаресе, и в Капилавасту есть брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Брахманы обучаются священному знанию, совершают жертвоприношения, размышляют над ведами и упанишадами, а в конце жизненного срока уходят в джунгли, где предаются аскетизму. Кшатрии ведут жизнь благородных людей среди почестей и материального благополучия, упражняя силы на войне или проводя время на охоте, на скачках или в веселых ночах с «танцовщицами»; вайшьи пасут скот и возделывают землю — из этого сословия выходят также купцы, моряки, цирюльники, кузнецы, ювелиры, гончары и ткачи. И наконец у нас остаются шудры, пригодные только к самой грязной работе. Но что будет с землей Гвоздичного дерева, если шудры захотят, скажем, торговать и уплывут на кораблях в другие страны? Или если вайшьи бросят ремесла и устремятся к алтарям? О, Сом! Вероятно, тогда брахманам придется лепить горшки? Как ты думаешь?

Кшатрий не ответил. Он молча слушал, в знак внимания наклонив голову.

— Жить без варн — все равно, что играть в чатурангу без доски, поделенной на квадраты, — продолжал Шарипутра. — Разве каждой варне не присущи свои занятия, свои обычаи, свои обязанности, наконец? Даже боги-покровители у нас разные: кшатрии поклоняются Индре, вайшьи — Пушану, брахманы — Соме и другим жреческим божествам. Так было много веков и так должно оставаться и впредь. Ведь кшатрии, и ты не мог не слышать этого, произошли из рук первого человека Пуруши, вайшьи — из его бедер, шудры — из ног, а брахманы — из головы...

Не встретив сопротивления и этому тезису, Шарипутра прямо заговорил о том, что больше всего волновало его:

— Скажи мне, благородный воин, откуда берутся кшатрии-философы и кшатрии-аскеты? Неужели жизнь твоей варны стала так скучна, что ты уже в столь юном возрасте

решил посвятить себя лесной науке? Взгляни на меня: я стар, но крепок, и я не в Урувелле, а здесь. А ведь я — брахман, и меня готовили к аскетизму с рождения! О, Сом! Того и гляди ко мне в Наланду заявится брахман на коне, в боевых доспехах и с чреслами, препоясанными мечом...

Юноша потянулся, и Шарипутра вдруг почувствовал, что где-то неподалеку распустился лотос. Да, лотос. Он явственно ощутил его аромат.

— Знаешь, брахман, маленьким ребенком я плакал, требуя, чтобы мне достали с неба луну, — сказал кшатрий. — Говорят, от моего плача раскалывались оплетенные соломой горшки...

Шарипутра подался вперед и нечаянно толкнул чатурангу. Фигурки, так и не вступившие в сражение, посыпалась с доски.

— Это очень странно, — пробормотал брахман. — Это очень странно... сын раджи.

Собеседник посмотрел на него темными, как у богини Кали, глазами.

— Ты слышал обо мне? — спросил он.

Играть в прятки уже не имело смысла, и брахман кивнул.

— Я слышал пророчества о твоём рождении. С самого первого мгновения, когда я увидел тебя на берегу озера, я догадался, кто ты.

— И кто же?

— Знаки мудрости на твоём лице переплетены со знаками призвания. Возможно, ты станешь великим правителем. Возможно, тебе, кшатрию, будут внимать сотни людей из других варн. В любом случае, ты пришел изменить нынешний порядок вещей, и мне очень хочется отговорить тебя от задуманного. Но может быть, когда ты объяснишь мне, я пойму...

— Если бы я сам хоть что-нибудь понимал! — воскликнул юноша. — Я совсем ничего не знал, и если бы не мой колесничий...

— Твоим учителем был колесничий? — Шарипутра развел руками, так велико было изумление.

— Да, его звали Чанна. Я многим ему обязан.

— Клянусь Брахмой, это самый удивительный день в моей жизни! Но ты должен рассказать мне все по порядку. Сейчас подадут ужин, и ты поешь, а потом... Потом я хочу услышать, почему ты ушел из дворца.

По знаку Шарипутры служанки подали дымящийся рис на свежих листьях банановой пальмы, соус, приправы и кислое молоко в глиняных чашках, смешанное с медом и розовым маслом. Гость и хозяин ели в совершенном молчании, и тишину нарушали только далекие завыванья шакала и кваканье лягушек. Сердце брахмана замирало, а рассудок упрямо твердил, что новое не бывает лучше старого, и нужно уговорить юношу вернуться к привычным занятиям кшатрия. Если еще не поздно. Шарипутра знал — тот, кто оставил свой дом, легко сбросит и последний лоскут одежды.

2

— Наверное, я не ушел бы — если бы не Чанна, — сказал юноша.

— Колесничий?

— Да. Он один говорил мне правду. Понимаешь, брахман, я жил слишком счастливо...

На террасу выбежал голый мальчик с медными браслетами на ножках и черным камушком на шее — такой амулет дают ребенку с очень светлой кожей, чтобы уберечь его от злых духов. Заметив гостя, мальчик остановился и сунул в рот большой палец правой руки; в левой он держал пест для растирания риса. У будущего брахмана были длинные, как у бычка, ресницы, подкрашенные сурьмой брови и большие темно-оливковые глаза.

— Многие живут счастливо, — возразил Шарипутра. — Вот мой воспитанник Ананда. Его мать умерла, отец обеднел, а мальчик растет в моем доме. Женщины положили его спать, но он пробрался на кухню и утащил пест. Ему два года, а он уже счастлив. И будет счастливым еще лет пять, пока не начнется ученье.

— Ты не понимаешь, — сказал юноша. — Никто не был счастлив, как я. В жару меня обмахивали опахалами и банановыми листьями. Мне по первому зову приносили мяч или кости. Меня каждый день убирала цветами, как какой-то алтарь... Даже деревья в парке и их тени служили мне. Младенцем меня часто укладывали под гвоздичным деревом, и когда няньки вспоминали обо мне, всякий раз оказывалось, что тень дерева осталась на месте!

— Это очень странно, сын раджи.

— Меня учили священным гимнам и песнопениям, четырем ведам и всем видам искусства, коих насчитывается шестьдесят четыре. Меня учили игре в чатурангу. Меня учили искусству править слонами и лошадьми, владению мечом и стрельбе из лука. Во всем этом я не знал неудач. Я научился посылать стрелы одну за другой, оттягивая тетиву до уха. Каждая моя стрела пробивала восемь кожаных щитов, и они лопались, как сухие листья баньяна!

— А твой отец? Он тоже не ведает забот?

— Не знаю... Отец сильный, он мог подбросить меня к верхушке мангового дерева. Мне говорили, что он защищает землю шакьев, как крепостная стена, а рука его всегда открыта для щедрых даяний. Мне говорили, что в нашей стране плачут только от дыма, копья только в руках стражников, беспорядок только в женских прическах, а удары наносятся лишь по литаврам. Мне говорили, что добрая слава о правителе Капилавасту растекается по землям, как масло по поверхности Ганги...

«Так и есть, — подумал брахман. — Он родился на севере, в стране шакьев, называющих себя потомками солнца, в городе Капилавасту, на склоне синеющих гор, уходящих в небо. Он не кто иной, как царевич Гаутама, сын раджи Шуддходаны, внук старого Сихахану. А я-то еще удивлялся его красоте! В его роду семь поколений чистокровных кшатриев как с материнской, так и с отцовской стороны. Его несчастную мать, кажется, звали Майей. Она родила сына в роще Лумбини, среди цветущих деревьев сал, и умерла на седьмой день». Но вслух брахман сказал другое:

— Тебя не обманывали, царевич. Твой отец достойно правит страной шакьев.

Царевич пожал бронзовым плечом.

— Может быть, — сказал он. — Но я ничего не видел, понимаешь? Я был подобен теленку, сосущему молоко матери. Я ничего не видел, кроме нашего дворца, увитого плющом и обсаженного гвоздичными и манговыми деревьями. Жаркое время года я проводил на террасах среди фонтанов. Гулял в тенистых садах, где дорожки были опрысканы благовонным сандалом. Купался в бассейнах для омовений. Нет, я не должен был знать печали, но она, наверное, родилась вместе со мной. Я часто убегал в дальний уголок парка, куда не долетали звуки флейт, барабанов и тамбуринов. Там рос баньян, уродливый старик со многими десятками высохших рук. Я ложился на землю ничком и плакал. Мое счастье томило меня... А еще я любил дожди. Я бродил по саду и любовался радугой в каплях воды...

Юноша умолк, и маленький воспитанник брахмана, посчитав это сигналом к действию, бросил пест и решительно полез к царевичу на колени. Шарипутра позвонил в колокольчик. Вбежавшая на террасу служанка ловко схватила ребенка поперек живота и унесла его во внутренние покои.

— Потом мне исполнилось четырнадцать... В тот день раджа Капилавасту привел во дворец сорок знатных девушек, украшенных гирляндами алых цветов. «Ты стал мужчиной, мой сын, — сказал отец. — Так выбери себе жену!» Девушки заполнили дворец, и от их смеха у меня стало легко и радостно на сердце. У одних кожа была золотистая, у других темная, у третьих красноватая. Все они были красавицы, умащенные благовониями, камфарой и соком

черного алоэ; все они смотрели на меня призывными взглядами, и только одна стояла у самых дверей и, смущаясь, не могла сделать ни шагу... Я подошел к ней. Волосы ее были подобны черному агату, а браслеты на руках позванивали, как малые цимбалы. Тело ее было темным, как черная лиана калисара, а лицо светилось, как цветущая лиана мадхави. Я взял ее за руку и сказал: «Вот моя жена!»

«Это я знаю, — подумал брахман. — По случаю женитьбы царевича раджа Капилавасту воздвиг алтарь на площади перед дворцом и принес в жертву быка, барана, одиннадцать молодых козлов и одну овцу, вылепленную из теста. И это не считая великолепного масла, горячего молока и корзин с ячменными лепешками. Даже помощник жреца, певец-удгатар, получил тогда в подарок корову».

— Мою жену звали Яшовати, и ей тоже было четырнадцать, — продолжал царевич. — Во время брачной церемонии мы обменялись венками. Зажигая свечу, Яшовати обожгла себе палец, а я преждевременно вылил масло в огонь, но все это было неважно, потому что мы были созданы друг для друга. Внезапно дворец опустел, и мы остались одни. Перевязь из лотосов сама соскользнула с правой руки Яшовати. Я тронул жемчужное ожерелье на ее груди, нить оборвалась, и по полу запрыгали жемчужины. Я смутился и хотел поднять их, но девушка остановила меня. Я помню светильники, горевшие на высоких колоннах, помню свою возлюбленную в поясе из золота, помню сам воздух той ночи, наполненный звуками плясок... Пупок у Яшовати был неглубок, но вниз уже спускалась дорожка выющихся волосков; руки моей жены были прохладными, как сандал, но они могли быть страстными, и ее ногти глубоко вонзались в мою спину... Каждую ночь мы засыпали на крыше дворца, залитые лучами луны. Мы спали обнявшись, как дети. А потом... потом Яшовати понесла, и сосцы ее груди стали темными, словно печати, охраняющие молоко. Через десять лунных месяцев она родила мне сына. Я дал ему имя Рахула.

— И ты по-прежнему тосковал?

— Служанки плакали от радости, глядя, как я иду к бассейну для омовений, посадив маленького Рахулу на плечо. Тело моего сына отливало темным золотом, а лицо сияло так, что ночью к изголовью его ложа слетались мотыльки. Недавно я был мальчиком, игравшим у родительских ног, а теперь сам познал счастье отца, но это новое счастье тяжким бременем легло на мои плечи. Если бы не колесничий Чанна, я однажды выпрыгнул бы из окна дворцовой башни.

— О, Сома, — вздохнул брахман.

— Мы с Чанной навещали Дхоту, моего дядю, который жил во дворце, оштукатуренном молотой скорлупой яиц. Этот дворец казался мраморным и сверкал на солнце, а дядя Дхота был самым веселым человеком среди шакьев. У него было пять сыновей, но особенно близок я был с Нандой. Нанда был чуть младше меня, цвет его лица был светлый, как у желтого ствола пальмы, а плечи и руки имели мягкие очертания. Один глаз у Нанды был серым, а другой карим, в нашей семье иногда рождались такие разноглазые люди. Детьми мы с Нандой, взявшись за руки, вместе гуляли по парку в Капилавасту, бегали наперегонки, лазали по деревьям и возвращались во дворец с лицами, перепачканными розовой мякотью манго. Подростками мы совершали омовения в дворцовом бассейне, где вода благоухала шафраном, плели гирлянды из желтых бархатцев, забрасывали мяч в круглую чашу из сандала, установленную на верхушке бамбукового шеста. Нанда любил надевать венок из жасмина, наверное, воображал себя небожителем. Отец был не против, чтобы я виделся с братом, но он не знал, что по дороге мы навещали горшечника...

Брахман всплеснул руками.

— Сын Шуддходаны дружил с горшечником?!

— Это был знакомый моего колесничего, — пояснил царевич. — Он жил возле рынка, где сбывал свои глиняные сосуды. Его жена, сухошавая женщина с усталым лицом, прино-

сила нам с Чанной пальмовое вино в кульках из банановых листьев. Вино было скверное, но я пил его с удовольствием. Хозяин, грузный человек, страдавший одышкой, выходил редко — он сидел в мастерской, весь перепачканный глиной. Натрудившись у гончарного круга, он горстями уплетал ячменную кашу... В его доме я сидел у открытой двери. Мимо меня сновали носильщики-рабы, женщины несли на головах корзины с бананами, проезжали скрипучие повозки — у них были огромные, в человеческий рост, колеса. На рынке в лужах мочи стояли ослы и мулы, толкались люди, кто-то, невзирая на шум, спал на мешках с мукой. Среди торговцев, погонщиков, крестьян и прорицателей, толковавших о посмертной участи, бродили коровы с мокрыми от слюны мордами. Я видел торговца, который ловко разделявал рыбу и заворачивал ломтики в банановый лист; я наблюдал, как заклинатель змей заставляет кобру танцевать, теребя ей хвост и шею. Заклинатель наигрывал мотив, печальный и заунывный, а тонкий язычок кобры играл со струей воздуха, выходящей из флейты... Слушая разговоры людей, выросших у рукояти сохи, я понимал, что почти никто из них не был счастлив. Над улицами и рыночной площадью стоял запах распаренных зноем человеческих тел, запах мулов, запах подгоревшего масла, трещины и мусорных куч, и этот запах был для меня слаще самых изысканных ароматов дворца...

— В твоей жизни было слишком много радости, — заметил брахман. — А когда ее слишком много, она скатывается с человека, как вода с лотосового листа.

Царевич покачал головой.

— Ты не дослушал меня. Однажды из-под копыт наших коней взлетел черный ворон, справа на дорогу выползла змея, а мою левую руку стало ломить в плече. Все это были недобрые знаки... И вот я увидел старика — он просил милостыню на перекрестке. Это был безобразный горбун с высохшим телом, похожий на карлика-якшу, и его ребра торчали наружу, как балки старой хижины. «Что с ним?» — спросил я. «Он состарился», — ответил мне Чанна. Мы подъехали к дому горшечника. Переступив порог, я увидел хозяина мастерской. Голый, он лежал на земляном полу, жена поддерживала его правую руку, а толстый брахман, сидя возле жаровни, бормотал мантры. В жаровне горели лепешки коровьего навоза, и в доме было не продохнуть от едкого дыма. «Что с ним?» — спросил я. «Он заболел», — ответил мне Чанна. От дыма у меня закружилась голова, странная слабость одолевала меня, и все-таки мы отправились к Нанде...

Из восьми светильников на террасе четыре уже догорели, но Шарипутра, увлеченный рассказом царевича, этого не заметил.

— Возле дворца дяди было много людей. Женщины причитали и расцарапывали себе лица, а мужчины стояли молча, теребя перевязи мечей. К нам подошел пожилой кшатрий, он возбужденно говорил о какой-то змее, но я не стал его слушать: мне хотелось скорее увидеть Нанду. Люди расступались передо мной, и вдруг я увидел колесницу, и своих двоюродных братьев, и дядю Дхоту. Лицо дяди показалось мне незнакомым, таким суровым и отчужденным оно было. А на колеснице... на колеснице лежал Нанда, покрытый ворохом красных цветов. Нанда был бледен, его лицо было еще светлее, чем обычно, и он один из всех оставался невозмутимым. С края колесницы свешивалась его расслабленная кисть. Не знаю, сколько я так стоял — недоумевающий, растерянный, оглушенный. Мне очень хотелось поправить его руку, но я боялся... Я боялся прикоснуться к нему, ведь теперь он был другой Нанда, слишком спокойный, не тот, которого я знал. А потом я почувствовал на плече руку Чанны. «Твой брат умер», — сказал колесничий.

Сын раджи сжал кулаки.

— Понимаешь, брахман, в тот день я понял, что белый зонт наследника Капилавасту заслоняет от меня не только солнце, но и саму жизнь! Жизнь, полную страданий. Жизнь, в которой царствуют болезни, старость и смерть. А еще я понял, что однажды Царь Смерти явится и ко мне — верхом на черном буйволе, с петлей в одной руке и дубинкой в другой. К

моему брату он пришел в обличье кобры... Нанда попробовал отбиться от змеи голыми руками и получил девять укусов в руки и ноги. Сбежались слуги, кобру убили палкой, но и Нанда уже не дышал! На моих глазах его опустили в воды реки, привязав к ногам запечатанные сосуды с сомой. Чанна объяснил мне, что так хоронят воинов-шакьев, погибших не в бою. Два дня просидел я на берегу, глядя на воду, которая взяла Нанду... А потом колесничий отвез меня во дворец. Я шел по ровным дорожкам нашего парка, они все так же были опрысканы благоуханным сандалом, и все те же лотосы — голубые, белые и красные — цвели на прудах, и все та же музыка раздавалась под сводами дворца, и вода в священном бассейне все также благоухала шафраном. Мне хотелось кричать, кричать громче барабанов и тамбуринов, но я помнил, что меня зовут Львиноголосым и от звуков моего голоса лопаются горшки, оплетенные соломой... Поэтому я не кричал. В первую стражу ночи я взял веревку и спустился в сад через слуховое окно. Потом влез на манговое дерево и перебрался через стену. Никто не заметил, как я ушел!..

3

— И что же теперь? — тихо спросил брахман.

— Теперь я ищу путь к освобождению от страданий. Я слышал, что отшельники Урувеллы знают его.

— Я слышал, что бывают волшебные слоны, и они летают... — Шарипутра грустно улыбнулся. — Но сам никогда их не видел.

Гаутама вздрогнул.

— Ты смеешься надо мной?!

— Нет-нет, я не хотел тебя обидеть, — торопливо сказал брахман, отводя взгляд от лица с крылатым разлетом бровей, прекрасного даже в гневе. — О, Сом! Я невежественный старый жрец, но, поверь, о смерти я кое-что знаю...

«Что, что мне сказать ему? — подумал Шарипутра. — Он уверен в себе, словно юный слон, закончивший обучение и покидающий стойло. Мои рассуждения об устройстве государства и варнах его не тронули. Пожалуй, у него хватит сил принять посвящение у отшельников, а потом поставить все с ног на голову от подножия Хималая до южных окраин Магадхи. Вопрос в том, радость или беду предвещало нам его рождение».

— Ты хочешь избавить мир от страданий, — сказал старик. — Это поистине благородная цель. Но скажи: разве твоя семья теперь не страдает?

Юноша не ответил, но между его бровей пролегла чуть заметная складка. Тогда брахман мягко заговорил о том, что у человека нет иных спутников, кроме им же совершенных дел, прибавив, что в основе доброго дела не может лежать зло. Он намекнул, что раджа шакьев остался без наследника, как старая цапля на пруду, и в резких тонах обрисовал будущее государства, которое лишается управления, что в чатуранге равносильно потере фигуры мантрина. Потом он упомянул о страданиях молодой женщины, каковые она обязательно должна испытывать, лишившись мужа, и не забыл напомнить о маленьком сыне, который тоже будет скучать. «Жена — истинный дом», говорят веды, и это так же верно, как и то, что земля стоит на водах, а воды — на ветрах. Правильное решение никогда не приходит второпях, а если оно все-таки найдено, не стоит торопиться с его исполнением. «Даже осока, если за нее неумело схватиться, режет пальцы», — заключил он.

— Ты добрый человек, брахман. — Царевич приложил ко лбу руки со сложенными ладонями. — Я тронут твоим участием.

Шарипутра позвонил в колокольчик, но было поздно, и никто из слуг не явился. Тогда брахман сам отправился во внутренние покои. Он зажег лампаду с ароматным маслом и зачем-то натер руки благовониями. Ему казалось, что он говорил с царевичем вполне убедительно. Приготовив юноше ложе, он вернулся на террасу. Там никого не было.

Старик огляделся. Терраса была пуста, но в воздухе разливалось благоухание лотоса. Светильники потухли, лишь один еще слабо дымился, а над кромкой джунглей висел узкий серп месяца, напоминая о страданиях бога Сомы.

— Ты вернешься, — прошептал Шарипутра. — Я знаю это, Сиддхарта!

Глава III

БЕНАРЕС

1

Брожение умов наблюдалось по всей Арьяварте. Усилиями брахманского сословия древние веды обрастали толкованиями, давая жизнь сложным построениям — упанишадам. В упанишадах говорилось о жизни и смерти, о первопричине бытия, о сокровенной сущности человека, об Атмане.

«Ни один благородный воин не должен вступать на путь отшельника» — гласило жрецское правило, однако благородные воины все чаще отказывались подчиняться ему. Вслед за Вардаманой из Вайшали повязки аскетов надевали все новые и новые кшатрии. Этому немало способствовало учение о карме и переселении душ, согласно которому в новых рождениях шраманы имели преимущество перед остальными людьми, воплощаясь либо в мире богов — среди прекрасных танцовщиц-апсар небесного царства, либо на земле, но в самых богатых и знатных семействах.

Однажды возникнув в Магадхе, учение о сансаре распространялось теперь в долине Ганги, словно огонь, брошенный в сердцевину сухостоя.

Его обсуждали во дворцах правителей, в домах ремесленников, на рыночных площадях. Имя создателя учения никто не знал; утверждали, будто это древняя мудрость, явленная еще в ведах. Поговаривали, что брахманы ревниво оберегают эти истины от непосвященных, отчего симпатий к касте жрецов не прибавлялось.

Отшельники-шраманы бродили по дорогам с чашками из половинок кокоса в руках, бормоча им одним понятные мантры; они застывали в неудобных позах на перекрестках, воздев к небу коричневые руки и уставившись воспаленными глазами вдаль или на солнце; они просили подаяние на постоянных дворах; сидели, образуя кружки, в священных рощах и на городских площадях; лежали на земле, соблюдая обет воздержания от пищи. Повсюду были их тощие тела, едва прикрытые набедренной повязкой. Некоторые, подражая Махавире, ходили совсем обнаженными. У погребальных кострищ непременно стоял на одной ноге какой-нибудь безумный шраман с трезубцем, голый, испачканный пеплом и разрисованный охрой.

Часть аскетов питалась финиками, бананами, съедобными корнями и плодами хлебного дерева; другие принимали от добрых людей рисовые и ячменные лепешки; третьи уверяли, что поддерживают жизнь исключительно листьями и дымом. Разнообразие наблюдалось и в прическах: у лесных отшельников на шею свисали спутанные космы, проповедники собирали шевелюру в пучок на макушке, бывшие жрецы брились наголо, кшатрии и атхарваны[3] заплетали косы.

Нагие и полунагие, с почерневшими и высохшими телами, брели шраманы по долине Ганга, проповедуя идеи вечного круговорота рождений, и их глубоко запавшие глаза блестели в глазницах, словно вода в глубоких и темных колодцах.

2

Амбапали давно уже мучилась от неприятного сна. В этом часто повторявшемся сне она видела темно-коричневого слона с клочьями пены на смертоносных клыках. Спасаясь от него, она превращалась в кобылицу, но слон оборачивался жеребцом и летел за ней, отби-

вая по земле гулкую дробь. Она находила приют в подземном мире нагов, во дворцах, блистающих золотом и драгоценными камнями, но неутомимый преследователь являлся и туда в облике исполинской двенадцатиглавой змеи, обращая в бегство воинство царя нагов Васуки. Она искала спасения в мире гандхарвов, на горах, где гении неба улаживают слух Индры и других небожителей пением и звуками лютней, но неведомый враг в обличье косматого демона находил ее и там. Наконец к ней приходил на помощь мудрый отшельник риши с белыми волосами — он выкапывал для нее уютную землянку на берегу лotosового пруда. Старец покрывал землянку грязью и уходил, а она томилаь внутри, ожидая юного раджу, кожа которого, во сне она была уверена в этом, имела золотистый оттенок. Но вместо раджи из чащи прибежал тигр и когтями разрывал кровлю землянки. Увидев тигра через образовавшуюся дыру, Амбапали с криком просыпалась и, прислушиваясь к биению сердца, медленно приходила в себя.

Все вещи в ее доме, даже сосуды с благовониями, были обрызганы камфарными духами, отчего в комнатах стоял сладковатый приторный аромат. Этот знакомый запах успокаивал Амбапали, как и вид служанки-рабыни, прибежавшей на крик госпожи. В облике темнокожей девушки с полными розовыми губами, неуклюжей и простоватой, не было ничего таинственного.

— К вам гость, госпожа, — доложила рабыня. — Сын начальника по слонам.

— Ах, он... — Амбапали повернулась к зеркалу. — Пусть войдет.

В зеркале отразилось юное лицо с открытым и властным взглядом, изогнутыми луками бровей и немного припухшими веками. Нежные щеки Амбапали были разрисованы сетью мелких узоров, а губы, ярко-алые от постоянного жевания бетеля, казались особенно чувственными.

Амбапали была танцовщицей. Однажды, двигаясь в паланкине вдоль берега священной реки, она увидела на месте для сожжения трупов бурую черепаху. Эта черепаха, ползущая по остаткам погребальных костров, была неуместна возле дарующей освобождение Ганги и как-то особенно безобразна. Черепаха словно бы знала некую ужасную тайну о смерти, и на обратном пути Амбапали вздрагивала от омерзения, припоминая хвост и короткие лапы, испачканные золой.

В тот же день она отправилась к ученому брахману. Крюконосый старик, сидя под стволом кокосовой пальмы, пересказывал всем желающим беседу знаменитого мудреца Яджнявалкы с раджей Джанакой, повелителем Видехи. Беседа была посвящена вопросу посмертного воздаяния. Заплатив несколько монет, Амбапали прослушала ее дважды. Пот лил с нее градом; ей казалось, что крупные зеленые орехи, висящие под высокой кроной, вот-вот падут на ее голову и тем совершится воздаяние за ее нечистую плотскую жизнь. Амбапали была юна, ее грудь только-только округлилась, лишь недавно раздалиь бедра и расцвела красота, но, вернувшись домой, она повесила на свои ворота тяжелый засов. Теперь танцовщица, которую называли «жемчужиной Бенареса», слушала брахманов и проповедников, заказывала жертвоприношения и размышляла о воздаянии, а домогавшимся ее юнцам отвечала гордым и неприступным взглядом. Амбапали могла себе это позволить: она была богата.

В комнату вошел юноша в темно-красных одеждах знатного воина из рода шакьев, с мечом на левом бедре. У него были вьющиеся темные волосы и светлое, как у желтого ствола пальмы, лицо. Радужные оболочки его глаз были окрашены в разные цвета, причем один глаз был серый, а другой — карий. Взгляд юноши скользнул по танцовщице и остановился на ямке пупа. Ямка была глубока, как если бы бог, ваявший Амбапали, ткнул в этом месте пальцем.

— Победа тебе, о кшатрий, — улыбнулась Амбапали и потянулась за шелковой накидкой. Она давно не чувствовала влечения к любовной игре, но из какого-то врожденного коварства дала гостю оценить гибкость своего тела. — Сделай честь этой скамье, присядь на нее. Моя служанка омоет тебе ноги.

— Ты ждала меня, Амбапали?

— О да. Ты же знаешь, Девадатта: вместе с гостем в дом входят боги и счастье.

Слугам свойственно перенимать манеры своих повелителей, и рабыня старалась обслужить юного кшатрия, как раджу, подчеркнуто церемонно. Она омыла ему ноги, принесла на подносе фрукты, рис и вино и хлопотала вокруг, возжигая курения.

— Посмотри, что я принес тебе, Амбапали, — сказал Девадатта, вынимая из складок плаща изящный веер из слоновой кости. — Эта вещица сделана из бивня Маха Сундара.

— Маха Сундара?

— Помнишь, весной он передал кучу народа? Он спокойно стоял в слоновнике, но вдруг до него донесся запах другого слона. Маха Сундар пришел в ярость, порвал путы и вырвался из стойла — погонщики плохо связали его. Я приказал высечь мерзавцев, но было уже поздно...

Танцовщица стала расчесывать волосы. Подобные разговоры она умела слушать вполуха. Начиная с пятого года жизни Амбапали, по обычаям своей касты, не видела мужчин, включая родного отца, и изучала науки, имеющие отношение к любви. Она училась готовить сласти, составлять букеты, слагать стихи и петь, перебирая тонкими пальчиками струны вины[4]. О, в этих науках она превзошла многих! Амбапали танцевала так, что драгоценные серьги бились о ее щеки, браслеты на запястьях металась из стороны в сторону, а взгляды, которые она бросала из-под полуопущенных ресниц, сводили с ума благородных кшатриев. Она умела шутить, избегая грубости, владела игривой ловкостью разговора, искусством намека и тайного жеста. Амбапали знала, что любовь начинается с созерцания предмета своей любви, потом является задумчивость вместе с игрой воображения, дальше следуют стадии бессонницы, отошания, нечистоплотности, отупения, потери стыда, сумасшествия и обмороков. Таковы девять стадий любви, которые проходят люди, а десятая и последняя стадия — смерть. Именно поэтому Амбапали всегда питала к своим поклонникам только легкое расположение, никогда не переходившее в губительную страсть, и струйки пота редко размывали слой шафранных румян на ее лице, а тело не знало жара слишком усердных объятий. Впрочем, последний раз в объятиях мужчины она была очень давно, как раз накануне встречи с бурой черепахой на берегу Ганги.

— Какие у него были бивни! Настоящие тележные оси...

Девадатта говорил о том, как слон Маха Сундар с огромными бивнями и лбом, окрашенным суриком, носился по улицам, словно в него вселилось полчище ракшасов. С широких висков слона лились темные потоки мускуса, на шее подпрыгивал крюк погонщика. Спасаясь от слона, люди прыгали в сточные канавы. Избавление пришло неожиданно: Маха Сундар, желтый от густой пыли, застрял в проулке между двух стен, сложенных из каменных плит, где его добились копьями.

Дослушав эту историю, Амбапали зевнула.

— Скажи, Девадатта... А как ты вообще оказался в Бенаресе? Ведь ты же из рода шакьев, правда?

Девадатта удивленно посмотрел на нее.

— Ну да... Просто мой отец, еще когда жил в Капилавасту, очень любил белого слона по кличке Виджай...

— Тоже с большими бивнями?

— Еще с какими! Правда, их ему подпилили. Понимаешь, подпиленные бивни притупляют осязание слона, но зато на них можно надеть острые железные колпаки.

— А какой у него хобот?

Юноша задумался.

— Очень сильный, хороший хобот. Если Виджай возьмет в свой хобот железную цепь с парой шаров, утыканных ножами, врагу придется несладко. Виджай вообще очень сильный.

— Ты, кажется, рассказывал мне о своем отце. — Амбапали снова зевнула.

— Ну да. Понимаешь, отец очень любил этого слона. Он даже ночевал в слоновнике. Всегда выбирал его, когда выезжал поохотиться или просто покрасоваться на людях. А потом к царевне Капилавасту посватался раджа Бенареса. По обычаю, зятю всегда дарят слона. И раджа Шуддходана решил, что этим слоном будет Виджай. Отец, конечно, очень рассердился. Он хотел, чтобы взяли любого другого слона, только не Виджая. Но Шуддходана сказал, что все уже решено. Тогда отец объявил брату, что уходит в Бенарес вместе с Виджаем... Он ведь такой, мой отец — от своего не отступит.

— О, боги! Выходит, раджа Капилавасту — это брат твоего отца?

— Ну да! Мой отец — средний из братьев, он все равно не получил бы трона. Так вот он решил уйти в Бенарес. А здешний раджа отцу очень обрадовался и сделал его начальником слоновника. А кто в Бенаресе разбирается в слонах лучше отца? Никто. Ведь быть начальником слоновника не так-то просто, Амбапали. Даже ехать на слоне трудно, потому что очень качает. А начальнику слоновника нужно знать повадки диких слонов, чтобы их ловить.

«Выходит, Сиддхарта — двоюродный брат этого мальчишки! — с волнением подумала Амбапали. — Тот самый Сиддхарта, который провел шесть лет на берегах Найранджаны! Царственный отшельник, который учит освобождению от страданий!..»

— Лучше всего ловить двадцатилетних слонов, — рассказывал тем временем Девадатта. Он пересел на ложе и все ближе подвигался к Амбапали. — Эти слоны еще маленькие, ростом с лошадь, и без клыков. Знаешь, как их ловят? На тропе, по которой слоны идут на водопой, вырывают яму и легко прикрывают ее сверху. Если слон упадет в нее, два-три дня к нему никто не приближается. Затем приходят два махаута, и один бьет слона бамбуковой палкой, а другой отгоняет бьющего и бросает слону охапку травы. И так несколько дней: первый бьет, второй кормит. Неплохо придумано, а? С каждым разом второй погонщик подходит к слону все ближе, приносит ему фрукты и цветы тамаринда, которые слоны очень любят. Махаут гладит и трет слона, пока тот не привыкнет к путам...

— Зачем он трет слона, мне ясно, — сказала танцовщица, неудержимо зевая. — Мне неясно, зачем ты меня трешь. Я тоже похожа на слона?

Девадатта отдернул руку, которую уже почти положил ей на бедро. И сказал, запинаясь:

— Ты похожа на богиню зари, Амбапали.

— Вот как? А ты слышал об идее сансары?

— О чем?

— О круговращении душ, — объяснила она, забавляясь его растерянностью.

— Но почему ты спрашиваешь об этом?

— Хочется. Расскажи, что ты знаешь.

Девадатта пожал плечами.

— Ну, я слышал, что души переходят в другие тела, — сказал он. — После смерти, конечно. Это называется кольцом сансары...

— Кольцом? А может быть, ожерельем?

— Нет, кольцом. И в нем, то есть в ней, в этой сансаре, крутятся люди. Причем вор зерен становится крысой, вор мяса — ястребом, а... э... соблазнивший жену своего учителя — терновником. Так наш придворный жрец говорил.

— Умный мужчина ваш придворный жрец. А как быть, если негодник не только мясо, но и зерна воровал, да еще и жену учителя соблазнил? Кем он будет тогда — ястребом, крысой или терновником? Или ему придется быть ими поочередно? А если он еще отяготит свою карму будучи ястребом, то куда его твое кольцо занесет? Не знаешь? — Амбапали вздохнула. — И я не знаю. Я думаю над этим уже давно — с тех пор, как увидела черепаху на берегу Ганги. И чем больше думаю, тем меньше понимаю. О, если бы я была мужчиной! Говорят, отшельник Сиддхарта знает все о круговращении душ. Я ушла бы к нему в Джетавану и узнала правду, сидя у его ног...

Юноша облизнул языком сухие губы и сказал:

— Мне кажется, не стоит жалеть, что ты родилась женщиной.

— Вот как?

Кровь бросилась Девадатте в лицо.

— Да, не стоит, — повторил он. — Тебе не приходило в голову, что ты очень красива, Амбапали?

— А тебе не приходило в голову, что с тобой может быть очень скучно, Девадатта? Ты каждый день приходишь сюда и говоришь о своем слоновнике. А мне совсем неинтересны твои слоны! Я их боюсь, после твоих рассказов мне снятся ужасные сны... Уж лучше я буду думать о Сиддхарте, который когда-то прошел через наш город, направляясь в священную рощу. У него были царственные плечи, узкие бедра и такие красивые, сильные руки...

— А я? — Девадатта подсел на ложе и вдруг решительно обнял ее, хотя и густо покраснел при этом. — Разве у меня слабые руки?

Амбапали покачала головой и отстранилась.

— Сиддхарта двигался по улице легкой походкой, без меча и лука, загоревший под жарким солнцем. Он был сложен, как Индра, а лицо у него было мудрым, как у Брахмы...

«Зачем я говорю ему это?» — подумала танцовщица, но остановиться уже не могла.

— Он был прекрасен, и мне казалось, что вдоль дороги, где он идет, распускаются лотосы. А ты... Ты приходишь каждый день, болтаешь о своих слонах и пожираешь меня глазами, как молодой купец, проколовший уши, но не скопивший денег на золотые серьги! Ты даже о сансаре ничего толком не сумел рассказать... Не надо большого ума, чтобы наказывать слуг! Ты никогда не стал бы отшельником, как твой двоюродный брат!

Девадатта постоял немного, оглушенный, и вышел. Во дворе, в жидкой тени плетня сидели рабы — носильщики паланкина Амбапали. Девадатта, ссутулившись, быстро прошел мимо них. Рабы не были людьми, но сейчас он испытывал мучительное чувство стыда: ему казалось, будто рабы подслушали его разговор с госпожой. За воротами он перевел дыхание. Здесь стояла рыжая корова, меланхолично обмахивая хвостом тощие бока. Девадатта огляделся по сторонам, примерился и дал корове такого пинка, что она бросилась бежать по улице, высоко подкидывая зад.

3

Отец Девадатты полагал, что своенравие и своеволие должны быть развиты в каждом мальчике. Лет в семь Девадатта рубил деревянным мечом бурьян на задах усадьбы, играл со сверстниками, охотился на птиц и никого из взрослых, кроме отца, не слушался. Отец радовался, глядя на него.

Мать и сестры Девадатты жили в другом мире — на женской половине дома. Только изредка Девадатта сопровождал их на берег Ганги, где семья совершала омовения. Сестры росли иначе, их держали в строгости, и девочки не имели права выходить за ворота без родителей и слуг. Зато в игрушках все дети Амритоданы не знали недостатка: у них были маски лошадей, буйволов и быков, фигурки воинов, брахманов и слонов из обожженной глины.

Отец казался Девадатте богом, и если начальник слоновника обрушивался на кого-нибудь из слуг или рабов, Девадатта испытывал и ужас, и радость от своей близости к этому вершителю судеб. Из всех богов горы Химават отец больше других почитал воинственного Индру и часто повторял, что «только мышь складывает лапки».

После завтрака отец приказывал подать паланкин, обтянутый красным шелком, и отправлялся в слоновник. Отцу было за пятьдесят, у него часто болела спина, поэтому по городу кшатрий Амритодана всегда передвигался в паланкине и даже мочился, не слезая с него. Когда лучи начинали падать отвесно, отец возвращался домой и шел отдыхать в беседку из тростника.

Солнце было почти в зените, и Девадатта направился в слоновник. Ему хотелось побыть одному — он боялся, что отец догадается по его лицу о том, что произошло в доме Амбапали. Расспросов не хотелось.

В слоновнике было прохладно и привычно пахло сеном и слоновьим пометом. Слоны стояли по своим загонам с путами на ногах, привязанные за шею и заднюю часть тела. Девадатта вошел в загон к старому белому слону, стоявшему без всяких пут и веревок. Слон дружелюбно качнул головой и подставил хобот.

— Я никуда не поеду, Виджай, — сказал юноша и повалился ничком на охапку травы.

Вообще-то он был не робкого десятка. Девадатта верховодил среди сверстников, его слушались погонщики в слоновнике, люди бывалые, и он без всякого смущения распоряжался ими. Однако рядом с Амбапали уверенность в своих силах его покидала, и он ненавидел себя за это. Не раз Девадатта обещал себе, что больше никогда не пойдет к этой красавице с чувственным ртом, но вновь нарушал свое слово.

В слоновник вошли махауты. Они не видели Девадатту, занятые разговорами и котлом со слоновьей едой.

— О, это отвратительные твари — черные, краснорожие, мордатые, да поразит их дубина Индры! — говорил старший погонщик. — Вечерами они поднимают шум в лесу, приплясывая, как скопцы. Могут они и вселяться в людей... А если у женщины под левой лопаткой родинка, значит ночью к ней ходит ракшас. Демон ложится к ней спящей и пьет кровь, присосавшись к спине...

— У моей жены нет родинки под левой лопаткой, — заметил молодой погонщик.

— Тебе повезло. А еще бывают ведьмы. Худшая из них — Арати, ведьма с короткими мочками ушей. Она подкрадывается к спящим мужчинам, присасывается и отнимает силу... Кстати, если у девушки короткие мочки, такая красавица любит гулять на стороне, не будь я Бхадра.

— Когда это ты стал таким знатоком женщин, Бхадра? Ты вроде бы холостяк.

— Я до сих пор не женился, потому что не женился мой старший брат. Ну и что? Я многое слышал от людей опытных, знающих в женщинах толк...

— Знал бы ты, какая у меня жена! Когда я впервые увидел ее, стрела бога Камы вошла в мое сердце по самое оперение. Она маленькая и стройная, моя девочка. А какая у нее легкая походка! Как позвякивают колокольчики на ее лодыжках!

Каждый вечер она вплетает в волосы цветы, красит ладони хной и сурьмит глаза. Она делает это, чтобы мне понравиться.

Лежа в своем загоне, Девадатта до боли стиснул зубы.

— А как она ладит с моей матерью! Когда я женился, я сразу понял, что песни и сказки — полная ерунда. Ведь в песнях свекровь мучает невестку, а в сказках наоборот. Но все это глупости!

Старший погонщик хмыкнул.

— Это не глупости, мой милый, — наставительно сказал он. — Просто песни поют молодые женщины, а сказки рассказывают старухи. В этом все дело.

Некоторое время Девадатта слышал только звук лопаты, которой перемешивали слоновью еду.

— А коса у моей жены черная, как перец, — сказал молодой погонщик. — Когда она расплетает ее, волосы рассыпаются по плечам. А кожа у нее нежного оливкового цвета...

Бхадра громыхнул котлом, вываливая еду.

— Кожа — это не главное.

— А что главное?

— Колено. Нельзя, чтобы колено было слишком маленьким или большим. Большое колено приносит несчастье и бедность, а маленькое... Знаешь, это будет похуже коротких мочек...

— Не знаю, что ты там говоришь о коленях. У моей жены замечательные колени.

— Не меньшее значение имеет зад, — продолжал старший погонщик. — Задняя часть у женщины должна быть круглой, мясистой и иметь правильную форму...

Девадатта тихонько застонал.

— Жена с таким задом будет приносить удачу, не будь я Бхадра. Однажды — это было в начале весны — я встретил именно такую вдову. Кстати, тебе и не снилась такая... Эта была настоящая женщина, а не какая-нибудь худышка. Она раздевалась передо мной, танцуя! А с каким желанием она раздвигала бедра! А как она стонала, когда я входил в нее!

Скрежеща зубами, Девадатта выскочил из загона. Он накинулся на бездельников, отчаянно бранясь и обещая в следующий раз, когда они забудут обмакнуть модаки в масло, распластать их на земле, как бычьи шкуры, обработать колючей плетью и натереть раны кирпичной крошкой. Вдруг он заметил, что погонщики смотрят на кого-то за его спиной. Девадатта обернулся.

Напротив открытых дверей слоновника стоял невысокий широкоплечий человек. Усы его топорщились, как у тигра.

4

— Так ты ушел? — У отца презрительно вытянулось лицо. — О, бек-громовержец! Ушел и признал себя побежденным?!

Девадатта мысленно поблагодарил громовержца и других богов за то, что их разговор никто не слышал. Они остались в слоновнике одни — отец отправил погонщиков к котлам. Не было сомнений, что в слоновьей еде будет довольно соли и сахара, шары модаки скатают по всем правилам и в масло тоже не забудут обмакнуть. Отец умел наводить на людей страх, даже не повышая голоса, а уж когда повышал... А еще отец умел узнавать все его тайны. Девадатте никогда не удавалось ничего скрыть.

— Но, отец... Неужели ты хотел, чтобы я...

— Нет! — Амритодана рубанул воздух ладонью. — Никогда не совершай насилие над женщиной. Будь властным, но насилия не совершай. Это противно заповедям кшатрия. Ты помнишь их, я надеюсь?

— Отец...

— Только не лги, что ты их забыл. — Взгляд отца стал колючим. — Твой наставник говорил, у тебя хваткая память.

Девадатта вздохнул.

— Для брахмана главное — мудрость, для вайши — достаток, для низкого шудры — удовольствие, а для кшатрия — храбрость и верность долгу, — начал он. — Война — благородное ремесло кшатриев, и ведется она ради захвата коров. Служение кшатрия состоит в защите родной земли, соль которой он ел, а также брахманов, коров и женщин.

— И еще детей, — поправил отец.

— Да, и детей. Кшатрий должен легко гневаться, быть стойким в борьбе, великодушным в победе. Кшатрий не пользуется тем, чего не приобрел своей доблестью. Кшатрий всегда податлив своей ярости. Кшатрий не убивает воина, упавшего с колесницы, и лучника, у которого лопнула тетива. Кшатрий не дерется чужим мечом. Кшатрий на коне не сражается с кшатрием на колеснице. В предсмертных корчах кшатрий цепляется за родную землю...

Начальник слоновника смотрел на Девадатту и думал о том, что его сын спит, спит беспробудным сном. И не его ли, отца, это вина? Может, он слишком долго удерживал Девадатту подле себя? Слишком часто направлял его и помогал ему?

— Довольно, — сказал Амритодана. — Все эти заповеди можно выразить короче: «Кто терпелив и безгневен, тот не кшатрий и не мужчина». Или так: «Только мышь складывает лапки».

Девадатта криво усмехнулся.

— Тебе легко говорить, отец. Эта танцовщица шуршание ящерицы в восточной половине дома слушает, а не меня.

— И ты будешь изображать муки человека, ужаленного змеею? Ты же кшатрий, Девадатта! Разве не ты побеждал в городских состязаниях? А кто был лучшим в игре «слоны и охотники»?

Девадатта против воли улыбнулся. Эту игру в Бенаресе особенно любили, и толпы людей наблюдали за ней в дни городских праздников. Соревнование проводилось перед дворцом раджи, на площадке, поделенной чертой на две равные части. Часть юношей раздевалась донага — они были «слонами». Другие, в повязках на бедрах — «охотниками». Под глухой рокот барабанов противники бросались друг на друга. Целью «слонов» было толчками свалить «охотников» на землю, «охотники» же старались затащить «слонов» на свою половину площадки. Как «слон», которого заставили пересечь черту, так и поваленный на землю «охотник» выбывал из игры и присоединялся к зрителям. Те всюю подбадривали игроков, приветствуя удачные действия хлопками и возгласами. В день состязаний, счастливый для Девадатты, ибо именно тогда Амбапали обратила на него благосклонный взор, он был «слоном». Девадатта один остался в игре, когда все его товарищи уже побывали за чертой. Против него было четверо «охотников», и Девадатта летал по площадке, ускользая от их рук. Улучив мгновение, он свалил одного из противников ударом локтя. Это был запрещенный прием, но зрители были за Девадатту, и незадачливый «охотник» покинул площадку. Еще одного юноша одолел хитростью, внезапно бросившись ему в ноги. Остались двое, и он под восхищенный рев расправился с ними: первому заплел ноги, а второго ловко бросил через себя, поймав за правую руку.

— А как бы ты поступил, отец?

— Я бы огляделся по сторонам — в Бенаресе немало красивых женщин. Но если бы мне нужна была эта танцовщица, я бы добился ее.

— А если бы она любила твоего брата?

— Я бы постарался понять, за что она любит его, и превзошел его в этом.

— А если бы не смог?

— Все равно я бы не сдался. Как-то мы с Шуддходаной столкнулись... Это было из-за Виджая. Брат не хотел, чтобы я уходил, ведь враг бежал от меня, как скот, почуявший льва. Двадцать лет назад, Девадатта, твой отец одним ударом перерубал слоновый бивень и по самую рукоять вгонял в землю меч! Но Шуддходана не мог изменить слову кшатрия и послать радже Бенареса другого слона, это стало бы для него позором. Мы стояли друг против друга, и он первым отвел глаза. Потом он послал ко мне нашего младшего брата, Дхоту, но я был неумолим. А теперь... Теперь я служу Бенаресу, хотя здешний раджа больше разбирается в гимнах и праздниках, чем в расстановке войска перед сражением. Но я ни о чем не жалею... Я младше Шуддходаны на восемь лет, но — клянусь быком! — я ни разу не уступил ему. В детстве он мог придавить меня к земле, мог заломить мне руки или сдавить горло, но я ни разу не прохрипел «сдаюсь». Почему? Меня не зря прозвали меднолобым. Я был упрямым и сильным. В жизни нужно быть сильным, Девадатта. Потому что сильный не сокрушается. И не укоряет себя. Никогда.

Девадатта задумался. Отец был для него тайной, как высшее существо, как бог, чьи слова и поступки никогда не поймешь до конца.

— Ты хочешь, чтобы я стал шраманом?

— О, бык-громовержец! Конечно, нет. Шраманы валяются в золе, сидят на солнцепеке, по-портновски скрестив ноги. Это дурни и бездельники, и, будь моя воля, они бы чистили водостоки и нужники.

— Но ты сам сказал, что я должен превзойти Сиддхарту, отец. А Сиддхарта — шраман. Начальник слоновника покачал головой.

— Твой длинноволосый брат не просто шраман. Сиддхарта многому научился за те шесть лет, что ушел из Капилавасту. Очень многому. Даже старый маг Кашьяпа из Урувеллы пришел к нему со своими учениками. Полгода назад Сиддхарта был в Бенаресе. Говорят, он бросил на землю семечко манго и не успел омыть над ним руки, как выросло дерево в пятьдесят ладоней. Ходят слухи, что он зажигает огонь, потирая ладонь о ладонь, и создает из воздуха сверкающие золотые слитки. Но даже если это выдумки черни, что-то за этим кроется. Я не понимаю учения Сиддхарты, но, возможно, царевич готовится к завоеванию долины Ганги.

— К завоеванию? — протянул Девадатта.

— Чему ты удивляешься? Слово может быть прекрасным оружием. Проповедуя свое странное учение, Сиддхарта может преследовать тайные цели. Если бы ты отправился к нему, ты бы послушал, чему он учит, разузнал, чего добивается, а заодно поучился магическим трюкам.

— Но я все-таки кшатрий, отец.

— О, бык-громовержец! А разве Сиддхарта — не кшатрий? Разве одиннадцать благородных кшатриев не ушли из Вайшали с Вардаманой? И потом, я же не сказал, что ты станешь отшельником навсегда.

— Но мне хорошо и здесь. Я не хочу уходить!

— А кто тебя гонит? — Амритодана смотрел на сына, насмешливо шурясь. — Оставайся! Особенно если хочешь всю жизнь торчать подле нас с матерью, словно козел, привязанный за мошонку.

Юноша молча изучал свои сандалии. Это были хорошие сандалии из мягкой кожи. Он знал — шраманы таких не носят.

— Скажи, Девадатта, кого больше всего уважают люди? — спросил начальник слоновника, неожиданно смягчаясь и кладя руку на плечо сына.

— Раджу Кошалы?

— Неважно, раджа это или простой воин.

Девадатте вспомнились жестокие слова Амбапали.

— Кажется, они больше всего уважают тех, у кого царственные плечи, узкие бедра и красивые сильные руки, — с горечью сказал он.

— Что ж, кое в чем ты прав... — Отец усмехнулся и пригладил усы. — Люди и впрямь уважают того, у кого сильные руки. И твердые кулаки. И мускулистая шея. И крепкая спина. И все-таки есть люди, которых они уважают больше. Подумай хорошенько. Я уверен, на этот раз ты ответишь правильно.

— У кого живот втянутый? — выпалил Девадатта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.